

Администрация Липецкой области
Департамент образования и науки
Институт развития образования

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ Г.В. ПЛЕХАНОВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

*(конкурс исследовательских работ
и творческих проектов учителей,
студентов и учащихся)*

„Дом Плеханова“

№31 (цэр)

Липецк 2006

ГОДЫ ЖИЗНИ Г.В. ПЛЕХАНОВА

А. Бондарев,
руководитель

И.В. Бондарева,
учитель МОУ СОШ № 69 г. Липецка

Введение

В настоящее время пересматриваются политические и духовные ценности, подвергаются критике революционные этапы нашей истории. Прежде всего это относится к важнейшему для нас событию - Октябрьской революции 1917 г., к тем политическим силам, которые действовали тогда, к тем альтернативным возможностям, которые открывались перед Россией после Февральской революции.

Поэтому когда заслуги в осуществлении Октябрьской революции 1917 г. и вину за построение того «реального социализма», который получил теперь название «бесправной командно-административной государственной системы», стараются приписать вообще марксизму, то на это позволительно привести слова Маркса, обращенные к некоторым истолкователям его учения: «Это было бы одновременно и слишком легко и слишком постыдно для меня».

В 1917 г. в России были такие марксисты, которые вполне точно смогли предсказать результаты октябрьского эксперимента. Плеханов с самого начала указывал на то, что попытка утвердить социализм в России при отсутствии демократических традиций и культуры в условиях хозяйственной разрухи и войны методом насильственных действий революционной партии не может привести ни к чему иному, как к торжеству тоталитарной системы.

Детство и юность

Георгий Валентинович Плеханов происходил из семьи потомственных дворян Тамбовской губернии. Он родился 11 декабря (29 ноября по старому стилю) 1856 г. в имении отца - д. Гудаловке Бутырской волости Липецкого уезда Тамбовской губернии (ныне Грязинский район Липецкой области). На формировании его характера сказались влияние его отца и матери. От отца, Валентина Петровича, он перенял твердость, усидчивость и трудолюбие, от матери, Марии Фёдоровны (урожденной Бельинской) - женщины чрезвычайно чуткой, доброй и сострадательной к людям, он унаследовал живой интерес к простому народу и горячее желание помочь ему в его нуждах и бедах.

В юности на выработку его взглядов, вкусов и привычек оказал влияние брат Митрофан - третий сын Валентина Петровича от первого брака. Военная выправка, принципиальность, упорство в достижении

цели и великодушные брата, в 26 лет окончившего академию Генерального штаба, всегда служили Георгию примером для подражания.

Следует сказать также о Софье Валентиновне, по мужу Вячеславовой - второй дочери Валентина Петровича от первого брака. Когда Плеханова, после провала первой типографии «Чёрного передела» в январе 1880 г., разыскивали на родине, квартира Софьи Валентиновны находилась под непосредственным наблюдением полиции, а она сама подозревалась в «неблагонадёжности».

В 1868-1873 гг. Плеханов учился в Воронежской военной гимназии. Учитель гимназии известный педагог Н.Ф. Бунаков привил ему любовь к русской литературе. Увлекался Георгий также эволюционной теорией Ч. Дарвина, что способствовало формированию атеистических взглядов.

В младших классах гимназии Плеханов прекрасно учился, получал награды. Но в старших классах увлечение чтением, а также тяга к естественным наукам заставляли его меньше внимания обращать на школьные предметы. Гимназию он окончил хоть и по первому разряду, дававшему право на поступление в военные училища без экзаменов, но только десятым по успеваемости выпускником. В детстве его прельщала мысль стать выдающимся полководцем и другом солдат. Но уже в гимназии его начал мучить вопрос, который был изложен им следующим образом: «Русский военный присягает служить царю и отечеству... Но как поступить военному в том случае, когда интересы царя расходятся с интересами отечества? Подобный случай не предусмотрен формулой присяги, но самый простой здравый смысл говорит, что когда он имеет место, честь обязывает представителей военного сословия идти против царя на защиту отечества». Ответ на поставленный здесь вопрос был дан им несколько позже, в ноябре 1873 г., когда он покинул Константинопольское военное училище и вообще расстался с военной карьерой. К такому решению он был подготовлен всем ходом своего умственного развития за время пребывания в Воронежской военной гимназии.

В 1873 г. началось массовое «хождение в народ». Л.Г. Дейч отмечал, что непосредственной причиной разрыва с военной карьерой стали многочисленные аресты, происходившие в то время. Принадлежа к «военному сословию», Плеханов осознавал, что не может выполнить того, что падает на долю армии.

К концу 1873 г. он - в Гудаловке, где усиленно готовится к вступительным экзаменам. Сначала он собирался поступать в Медико-хирургическую академию, но затем изменил свои планы и 22 августа 1874 г. подал прошение в Петербургский горный институт. Первый год пребывания в горном институте прошёл в напряжённой учебе, прино-

сившей, по-видимому, удовлетворение молодому студенту. Он уверенно и легко сдавал переходные экзамены и «своими ответами нередко изумлял профессоров». По итогам учебного года ему была назначена Екатеринбургская стипендия.

С осени 1875 г. Плеханов начинает втягиваться в революционную работу. Хотя занятия в горном институте не были прекращены, Плеханов уделял им меньше внимания. В весеннюю сессию 1876 г. он не сдал все экзамены, из-за чего не был переведён на III курс.

С конца 1875 г. можно проследить процесс формирования революционных взглядов Плеханова, приведший его на позиции бунтарства и бакунизма. Ещё со школьной скамьи он находился под влиянием произведений Белинского, Чернышевского, Добролюбова и Некрасова. Увлекали его также идеи Писарева, что в известной мере сказалось на выборе профессии. В военной гимназии ему вначале больше нравилась литература, затем заинтересовали естественные науки, особенно теория Дарвина, наконец, в горном институте его любимым предметом стала химия. Помимо этого на первом году обучения в институте он пережил некоторое увлечение нигилизмом, что нашло отражение в «протестах против щегольства», о чём известно из воспоминаний его младшей сестры К.В. Плехановой. Глухо упоминание об этом периоде можно найти в его произведениях.

Формирование революционных взглядов

Для понимания его настроений было бы интересно знать, принимал ли Плеханов участие в студенческих волнениях 1874 и 1875 гг., охвативших ряд учебных заведений Петербурга, в том числе и горный институт? Если даже и нет, как полагают некоторые исследователи на основании характеристики, выданной из горного института в 1876 г., то и тогда нельзя сбрасывать со счетов их влияние на рост его революционных настроений.

2 ноября 1874 г., как сообщал В.М. Гаршин в письме к матери, состоялась сходка студентов в связи с исключением их института около десяти человек за неуплату денег за учёбу. Они выработали ряд требований. Для успокоения студентов явился сам министр внутренних дел Валуев. 4 ноября сходка повторилась с более серьёзными последствиями. Были закрыты второе отделение I курса, II и III курсы, исключено более 200 человек, выслано по этапу 180 человек. Только 27 ноября возобновились занятия на опальных курсах. Гаршин писал матери, что обошлось благополучно, только десять человек исключили безвозвратно.

Под бдительным наблюдением начальства студенты находились и в 1875 г. Гаршин пишет: «В институте новые порядки: дают правила и заставляют подписываться в исполнении их... 7 параграф правил гласит:

«всякое корпоративное движение студентов безусловно запрещено», а в письме от 16 сентября 1876 г. сообщает: «У нас в институте строгости. Наблюдают за посещением лекций и тому подобное». Впрочем, в это время Плеханов уже прекратил занятия в институте.

Оказало влияние на Плеханова, как отмечено выше, «хождение в народ», продолжавшееся и в 1874 г. Если вначале оно явилось для молодого юнкера важным звеном в цепи причин, заставивших порвать с военной карьерой, то постепенно его заинтересовала идейная сторона движения. В этой особой связи особый интерес представляет указание на то, что в начале по своим воззрениям он принадлежал к лавристам. Действительно, изучение периода его жизни начиная с поступления в Константинопольское военное училище и кончая осенью 1875 г. позволяет считать это утверждение не лишённым основания.

Известны слова Плеханова, обращенные к П.Л. Лаврову в 1881 г.: «С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться критическая мысль, Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях». Л.Г. Дейч объяснял эти слова влиянием особенного настроения, вызванного чувством признательности и благодарности П.Л. Лаврову за его заботу и участие во время пребывания Плеханова в Париже в 1880-1881 гг.

Напротив, Б.Н. Козьмин, хотя и с оговорками, считал, что Плеханов «был вполне искренен, когда писал это письмо, но связывал слова Плеханова со временем его идейной близости к Лаврову», т.е. с концом 1881 - началом 1882 г. Вопрос, однако, к какому времени следует отнести начало пробуждения «критической мысли» Плеханова? Ясно, что его нельзя датировать 1881-1882 гг., как это делает Козьмин. В это время заканчивалась выработка марксистского мировоззрения Плеханова. Нельзя его приурочивать также к землевольческому периоду, и Козьмин пишет об этом, так как хорошо известно, что отношение Плеханова-землевольца к лавристам было резко отрицательным, следовательно, влияние Лаврова (а точнее, его произведений) на Плеханова могло иметь место во время выбора революционного пути.

Для того чтобы примкнуть к стану лавристов, а тем более разделять их взгляды, можно было, не зная народа, записаться только социалистическими идеалами: бакунисту же требовалось хотя бы поверхностное знание крестьянства, его обычаев, верований и т.д. Бакунистами поэтому становились прежде всего практики, люди, побывавшие в народе, лавристами же - люди, воодушевлённые идеей служения народу, прочитавшие социалистическую книгу, слышавшие пропагандистскую речь в кружке и т.д. Если южан практика сделала бунтарями, то северяне пришли к тому же через «хождение в народ». Г.В. Плеханов, как известно, в «народ» не ходил и, несмотря на то, что вырос в де-

ревне, по его собственному признанию, крестьянства не знал. Поэтому тем, кто знал тогда Плеханова, его первые выступления в студенческой среде, а до этого среди юнкеров и даже слушателей академии Генерального штаба, где учился его старший брат Митрофан, вполне могли дать основание считать его лавристом.

С осени 1875 г. Плеханов поселился на квартире у «добродушной чухонки», описанной им в воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении». В этой квартире (Кронверкский проспект, д. 67, кв. 8), по данным Е. Карпова, он проживал с ноября 1875 г., по данным Э. Корольчук - с 20 января 1876 г. по 1 июня того же года. В квартире, состоявшей, как пишет Дейч, из трёх комнат, кроме Плеханова жили вначале студенты Е.П. Карпов, М.А. Гриценко и студентка-медичка Н.А. Смирнова, ставшая потом женой Плеханова. Затем вместо Карпова и Гриценко, по всей вероятности, с середины зимы в квартире поселился В.И. Успенский - студент-медик. Через Успенского, своего товарища по гимназии, с Плехановым в начале 1876 г. познакомился О. В. Аптекман.

С этого времени Плеханов становится участником многочисленных тогда студенческих сходок, на которых обсуждались волновавшие молодежь вопросы: о «знании и революции», «хождении в народ», пропаганде, агитации и т.п. Определяются его взгляды: он не только симпатизирует бунтарям, но и сам становится бакунистом. Однако, по видимому, ко времени его знакомства с рабочим С. Митрофановым (конец 1875 г.) процесс становления не закончился полностью. На это наводит мысль о том, что, если бы сам Плеханов был убежденным бакунистом, Митрофанову незачем было бы энергично отстаивать бунтарство в первом же разговоре с ним. Но уже после известной сходки рабочих на его квартире 12 февраля 1876 г., описывая впечатление, оставленное знакомством с рабочим Г. (А.Е. Городничий), тянувшимся в книге, Плеханов определенно указывает, что «был сильно проникнут тогда бунтарскими взглядами, а у бунтарей излишнее пристрастие в книге считалось недостатком».

Знакомства, повлиявшие на дальнейшие взгляды

К осени и зиме того года Дейч относит знакомство Плеханова с уцелевшими после разгрома 1874-1875 гг. революционерами. У Плеханова завязываются знакомства с кружком М.А. Натансона, в котором тогда были А.П. Боголюбов (А.С. Емельянов), А.А. Квятковский, М.Р. Попов, А.А. Хотинский, В.А. Осинский др., близко к кружку стояли известные на юге И.Ф. Фесенко и Дмитрий Лизогуб.

Существует две версии того, как и через кого познакомился Плеханов с кружком М.А. Натансона. В своё время П.Б. Аксельрод писал, что, остановившись как-то зимой 1875-1876 гг. на квартире, где жил

Плеханов, он обратил внимание народников на студента горного института, увлекавшегося химией и желавшего усовершенствоваться в ней за границей. Аксельрод усиленно рекомендовал Плеханову заняться революционной деятельностью и представил кружку Натансона. Независимо от Аксельрода такого же взгляда придерживался О.В. Аптекман, который по этому поводу писал: «Толкнул его на этот путь (сближения с народниками и петербургскими рабочими) активно П.Б. Аксельрод; ночевавший у него во время пребывания его в Петербурге зимою 75-76 гг. Плеханов сам продиктовал мне следующую характеристику Аксельрода: «Он поразил меня своею беззаветною преданностью революции».

Другой точки зрения придерживался Л.Г. Дейч. Ссылаясь на воспоминания самого Плеханова, он отмечал, что сближение с кружком Натансона произошло у Плеханова через рабочих и студентов, в частности, через студентов Медико-хирургической академии братьев Воскресенских и рабочего С. Митрофанова, с которым первые познакомили Плеханова.

По существу, разногласия сводились не к отрицанию фактов, действительно имевших место, а к различию в трактовке идейного развития юноши Плеханова. Первая точка зрения исходит из того, что влияние Аксельрода было решающим, явилось переворотом в судьбе Плеханова, вторая предполагает известную эволюцию его взглядов.

Нужно заметить, что Плеханов «легко не отказывался от своих убеждений, даже если начинал замечать их несостоятельность. Влияние отдельных лиц могло иметь место в выборе революционного пути, но оно не было решающим. Каким бы ни считать воздействие Аксельрода, к тому времени уже известного и влиятельного среди молодежи бакуниста, Плеханов, как сказано выше, был уже подготовлен к восприятию взглядов «апостола анархии» самостоятельно. Тот факт, что Аксельрод попал на квартиру Плеханова, говорит о том, что натансоновцы вполне ему доверяли, его незачем было представлять Аксельроду.

В свою очередь Дейч подчеркивал большое влияние, оказанное на Плеханова Иваном Федоровичем Фесенко. Надо иметь в виду, что Аксельрод в то время производил впечатление на молодежь, с которой встречался, «не своим развитием, начитанностью, которые были у него довольно скромных размеров, а почти исключительно своей глубокой фанатической верой в близкое торжество, добра, справедливости и т.п. добродетелей». Фесенко же, наоборот, в отличие от многих бунтарей-бакунистов был довольно начитан, основательно ознакомился с «Капиталом» К. Маркса и даже, по словам Дейча, «непочтительно относился к авторитету Бакунина». Его влияние на развитие Плеханова должно было быть большим, чем Аксельрода. Дейч писал: «Несомненно, что,

главным образом, Фесенко, восторженно отзывавшийся мне и другим о дарованиях Плеханова, возбудил у него интерес к политической экономии вообще и к «Капиталу» Маркса - в частности; он же привлек Георгия Валентиновича к занятиям с рабочими».

Если уж говорить о влиянии отдельных представителей революционного народничества на Плеханова, то первым пропагандистом, о котором имеются сведения в литературе, как об оказавшем влияние на юношу Плеханова, был А.И. Прозоровский. По воспоминаниям сестры Плеханова Клавдии Валентиновны, их мать считала, что Прозоровский «познакомил» ее сына «с революционными идеями», когда тот по пути в Петербург осенью 1874 г. заезжал к сестре в Тамбов. Здесь нужно отметить, что во второй половине июня того года Тамбов по пути в Саратов посетил Д.М. Рогачев, который оставил кружку тамбовской молодежи, группировавшейся вокруг Н.С. Никифорова, нелегальную литературу для народа, полученную им из типографии И.Н. Мышкина в Москве. К кружке Никифорова принадлежал и Прозоровский. Поэтому возможно, что знакомство с революционными идеями, о котором упоминала мать, заключалось в ознакомлении Плеханова с книжками для народа, полученными от Рогачева. Правда, О.В. Аптекман отрицал возможность такого влияния, но это может говорить о том, что ко времени знакомства Аптекмана с Прозоровским (конец 1876 - начало 1877 г.) последний начал отходить от революционного движения. Однако и после 1879 г. Прозоровский находился под наблюдением полиции и даже в начале 1880 г. был арестован.

Сходка рабочих на квартире Плеханова 12 февраля 1876 г. не осталась незамеченной III отделением. В марте Плеханов вместе с В.И. Успенским был первый раз арестован. В квартире, где он проживал, был произведен обыск. В справке III отделения, составленной по этому поводу, говорилось, что «у них обоих был недавно обыск, взяты были под арест и после опроса освобождены. После того оба присмирели, и собрания у них прекратились».

Рабочим пришлось перенести свои сходки в другое место - на Васильевский остров, а с наступлением тепла - и за город. С тех пор Плеханов не прекращал посещать их, приняв только меры предосторожности. В воспоминаниях С.К. Волкова, активного участника, рабочего движения 70-х гг., говорится, в частности, о большой сходке рабочих, состоявшейся на острове Финского залива, где он впервые познакомился с Плехановым.

Таким образом, конец 1875 и начало 1876 г. были переломными в судьбе Плеханова. Он начинает принимать активное участие в революционном движении и прежде всего включается в пропаганду среди петербургских рабочих. Позже он вспоминал: «Видя, как заинтересовало

меня «рабочее дело», бунтари приняли меня в свой кружок, так что «занятия с рабочими» стали с тех пор моей революционной обязанностью».

В числе первых рабочих, которыми занимался Плеханов, был известный П.А. Моисеенко, один из организаторов Морозовской стачки 1885 г., впоследствии большевик. Его воспоминания показывают, какое большое влияние оказывал молодой 19-летний студент на рабочих: «Придя однажды к Плеханову, я ему изложил своё мнение насчет чтения. Он вполне одобрил и предложил мне совместно читать «Податной вопрос» Шелгунова. Тов. Плеханов разъяснял непонятные места и так увлекательно, что мы за весь вечер прочли всего лишь одну-две страницы. Но для меня это было открытие: я начал читать и мыслить совсем не так, как прежде».

Весна и лето 1876 г. в Петербурге были отмечены ростом революционных настроений среди молодежи и студенчества, вызванных возмущением многочисленными арестами и подготовкой к большому процессу «по делу о преступной пропаганде в империи». Сотни и тысячи матерей оплакивали своих детей, попавших в казематы III отделения. Настроения обострялись фактами жестокого обращения с заключенными, заполнившими дом предварительного заключения. 3 марта во время похорон замученного там длительным тюремным заключением студента П. Чернышёва состоялась внушительная демонстрация с участием более 2 тыс. человек. Демонстрация произвела большое впечатление, Плеханов писал о многочисленных революционных сходках, происходивших с того времени в Петербурге. В этой обстановке у рабочих и ведущих среди них пропаганду студентов созрела идея подготовить и провести демонстрацию, которая стала известна позже как Казанская политическая демонстрация.

В это время, в конце лета 1876 г., состоялся последний приезд Плеханова на родину. Из-за активного участия в подготовке демонстрации, которой, по его словам, рабочие «бредили» с весны 1876 г., он не смог приехать раньше. Кроме того, его студенческим билетом, дававшим право на льготный проезд по железной дороге, воспользовался Л.Г. Дейч, нелегально остававшийся у него на квартире в мае 1876 года. Билет был возвращен им через М.Ф. Фроленко только к концу лета.

В Липецк Плеханов приехал вместе с Н.А. Смирновой, ставшей уже его женой, и приятелем медиком К.П. Солярским. О последнем приезде брата домой К.В. Плеханова вспоминала, что он с приятелем совершал длительные прогулки по окрестностям Липецка, любясь красивыми видами Каменного лога, долины реки Воронеж, городскими парками и садами. На прогулки часто брали брата и младших сестер, которым Жорж рассказывал интересные истории и при случае экзаме-

новал. В Липецке его привлекали рабочие, с которыми он встречался, в Гудаловке, куда выезжала семья, крестьяне, с которыми он работал на полях, и которым помогал в тушении деревенских пожаров.

Мария Федоровна видела перемены, происшедшие в сыне. В этот раз его меньше интересовали книги, а когда ему пришлось читать Евангелие, он читал его так, словно подготавливал мать к той дороге, которую выбрал. Материнское сердце догадывалось, о чем идет речь. Мария Федоровна пыталась отговаривать сына, но понимала, что это бесполезно.

Больше уже на родине - в Гудаловке и Липецке - Плеханову бывать не довелось. После Казанской демонстрации он переходит на нелегальное положение, и появляться в местах, где его знали, было опасно. Но на всю жизнь ему запомнились родные места, где он появился на свет, провел свое детство, где впервые зародились в его душе прекрасные юношеские мечты.

Дом-музей В.Г.Плеханова в Липецке является единственным музеем в нашей стране, где можно ознакомиться не только с жизнью и деятельностью основоположника марксизма в России, но и с историей появления и развития социал-демократического движения до установления власти большевиков. Посетители музея знакомятся с оценками политических противников Плеханова (прежде всего большевиков и Ленина) не только из арсенала его статей и выступлений, но и из записей и высказываний известных литераторов и общественных деятелей. Кроме того, экспозиция музея показывает Плеханова как человека, что особенно интересует рядового посетителя. Представлены семейные фотографии, сведения о жизни в Женеве и Сан-Ремо.

Плеханов и «Казанская» демонстрация

Особое место в революционной биографии Плеханова занимает демонстрация у Казанского собора 6 декабря 1876 г. Слова Плеханова о том, что «Казанская» демонстрация была первой попыткой практического применения наших понятий об агитации относятся прежде всего к нему самому как одному из активных организаторов и участников демонстрации. Она выявила в первой публичной речи его ораторские способности, заставила его окончательно «сжечь за собой корабли» перейти на нелегальное положение - и тем самым толкнула к более активной революционной деятельности.

В демонстрации предполагалось участие большого количества рабочих (две-три тысячи человек). Она должна была показать правительству, что за интересы народа выступают не только студенты и наиболее передовая часть общества, но и сами трудящиеся, в частности рабочие. Вместе с тем накануне демонстрации было принято решение действо-

вать и в том случае, если бы у собора собралось хоть несколько сот человек.

Далее план демонстрации был приблизительно следующим. На площади перед собором предполагалось произнести речь, обращенную к народу, с призывом продолжать дело, за которое отдали жизнь лучшие сыны России. В последний момент было принято решение в конце речи поднять над головами красное знамя с вышитыми на нем словами: «Земля и воля». Затем собравшиеся должны были мимо памятника Кутузову направиться на Невский проспект и, если удастся, выйти на Дворцовую площадь, «чтобы требовать освобождения политических арестантов из тюрем». «Вообще, этой манифестации, писал Е. Серебряков, придавалось огромное агитационное значение, как для рабочих, так для молодежи и для общества».

Осуществить план, как известно, не удалось. Прежде всего, к Казанскому собору пришло, по данным Плеханова, всего 200-250 рабочих, но другим - еще меньше. Основная масса оказалась студенческая, и рабочий элемент потонул в ней.

Плеханову удалось произнести короткую речь, в которой он напомнил о сосланном в Сибирь Н.Г. Чернышевском и других мучениках за народное дело и выразил с ними полную солидарность. При словах: «наше знамя - их знамя. На нем написано: земля и воля крестьянину и работнику!» молодой рабочий Яков Потапов развернул и поднял на руках красное полотнище. Не успел еще Плеханов закончить речи, как начала действовать полиция. На помощь ей пришли дворники и некоторые были окружены, побиты и рассеяны, по существу, не выйдя на Невский проспект, а 31 человек был арестован. Правда, как отмечал Плеханов, до ногового избиения «было очень далеко», и этим он, в частности, объяснял то, «что ни один из выдающихся землевольцев, бывших на Казанской площади и отражавших полицейское нападение, не был арестован».

Наконец, критике подвергались и некоторые моральные аспекты данного события. Дело в том, что среди арестованных, а затем преданных суду, не было действительных организаторов демонстрации. Судили лиц, имевших или довольно отдаленное отношение к ее организации (за исключением А.П. Боголюбова-Емельянова, на демонстрации, однако не присутствовавшего, и рабочего В.Я. Савельева-Иванова) или даже посторонних. Организаторам демонстрации, в их числе и Плеханову, удалось избежать ареста. В результате получилось, что для широкой публики «цель демонстраций так и осталась невыясненной», так как в целом революционная интеллигенция в неё не была посвящена, а на суде это не удалось.

Всё это вместе взятое и давало повод части революционного лагеря квалифицировать «Казанскую» демонстрацию как неудачную. Разумеется, если не знать, что демонстрация готовилась по инициативе рабочих и при их активном участии и что она мыслилась прежде всего как рабочая демонстрация, дать правильную оценку ей невозможно. А это как раз и было скрыто от многих современников. Даже в 1922 г. в письме к Дейчу А.И. Зунделевич писал: «От тебя впервые слышу, что возникла эта (Казанская) демонстрация отчасти по инициативе рабочих групп. Я всегда слышал и был уверен, что это так - об исключительной инициативе в этом деле кружка Натансона, на который сыпались с разных сторон обвинения за эту инициативу».

Период эмиграции

Весной 1882 г. в окрестности Кларана переехали Дейч и Засулич и почти ежедневно встречались с Плехановым. «Плеханов, по обыкновению, усиленно предавался умственным занятиям, больше из присущих ему научных интересов, чем ввиду литературного заработка: к последнему он тогда не чувствовал особенного влечения».

Материальное положение семьи значительно улучшилось по сравнению с парижским периодом. Плеханов получил гонорар за первые две части статьи о Родбертусе, помещенные в пятом и шестом номерах «Отечественных записок», продолжал давать уроки русской литературы в том же семействе.

Кроме того, весной 1882 г. к нему за границу приехала сестра Александра и привезла ему небольшую долю наследства, оставшуюся от продажи дома семьи Плехановых в Липецке. Приезд сестры воскресил в его душе дорогие воспоминания о годах, проведенных на родине - в Гудаловке и Липецке. В конце марта 1882 г. в Женеве поселилась молодая чета Русановых. Н.С. Русанов занимался тогда изучением произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Е. Дюринга, других социалистов и экономистов и склонялся к признанию капиталистического развития экономики России. Он сотрудничал в журнале «Дело», где вел полемику по этому вопросу с Тихомировым, выступавшим под псевдонимом «Кольцов». Экономические взгляды Плеханова и Русанова во многом сходились, что обуславливало их влечение друг к другу.

В хороших отношениях находились и их семьи. Нередко Плеханов с дочерью Лидочкой в коляске или на руках, отправляясь за покупками, заходил к Николаю Сергеевичу, чтобы обменяться мнениями по поводу только что прочитанной статьи, обсудить интересовавший его вопрос. Нередко между Плехановым и Русановым возникали дискуссии. В этом случае на несколько часов они оба обо всем забывали. Шел процесс выяснения истины.

В круг хороших знакомых Георгия Валентиновича и его семьи в то время входили Элизе Реклю, известный революционер и географ, братья Лев и Илья Мечниковы. Но поскольку интересы Плеханова сосредоточивались, как мы уже отмечали, прежде всего на изучении произведений Маркса и Энгельса, а трое его знакомых склонности к марксизму не проявляли, между ними и Плехановым не было такой близости, как у Плеханова с Русановым.

К концу апреля - началу мая относится знакомство Плеханова с Г. Фольмаром, редактировавшим в 1879-1880 гг. в Цюрихе, центральный орган Германской социал-демократической партии газету «Социал-демократ» и считавшимся тогда «левым». Познакомились они в один из приездов Фольмара в Женеву.

Летом 1882 г., когда Лидочке пошел второй год, Розалия Марковна решила продолжить свое медицинское образование, чтобы взять на себя хотя бы часть забот по содержанию семьи. Ее отец, два года посылавший ей на жизнь небольшие суммы денег, отказал ей в материальной помощи и вообще порвал с ней отношения, узнав, что она вышла замуж за русского.

Она рассчитывала из Женевы отправиться в Берн и поступить там на соответствующий курс медицинского факультета университета с зачетом экзаменов, сданных ею в России. В начале августа, чтобы снять жилье для Розалии Марковны с ребенком и Т.В. Полляк, в Берн поехал Георгий Валентинович, а затем туда приехали члены его семьи.

В Берне жила хорошая знакомая Дейча и Засулич по революционной работе в России А.М. Макаревич-Кулешова (Розенштейн), которая помогла Плехановым устроиться.

Надежды Розалии Марковны не оправдались. Ей не удалось продолжить изучение медицины в Берне, так как сданные в России экзамены и зачеты не были зачтены, и ей предложили снова поступить на первый курс. Между тем, как потом выяснилось, в Женевском университете их могли зачесть после прохождения коллоквиумов по пройденным дисциплинам. Пришлось снова перебираться в Женеву. В Берне семья Плехановых похоронила умершую от чахотки Т.В. Полляк, которой так многим была обязана.

По возвращении из Берна Плеханов с семьей поселился в небольшом городке Кларане, близ Женевы. Здесь Плеханов заканчивал две последние части большой статьи о Родбертусе, озаглавленной «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова», которые потом были опубликованы в девятом и десятом номерах Отечественных записок за 1883 год.

Создание группы «Освобождение труда»

С возвращением Плеханова из Берна начинается заключительный этап переговоров бывших чернопередельцев с народовольцами, длившийся до разрыва с ними и создания группы «Освобождение труда». Говоря об этом периоде, необходимо отметить, что переговоры бывших чернопередельцев о вхождении в «Народную волю» и выявившиеся при этом разногласия об условиях их участия в издательстве «Вестника Народной воли» не имели непосредственного отношения к формированию марксистских взглядов Плеханова и его товарищей. Поэтому факт ведения Плехановым переговоров с народовольцами нельзя объяснять, как это иногда делается тем что вплоть до 1883 г. он разделял взгляды народничества, да и позднее освободился от них не сразу и даже не целиком.

Образование группы «Освобождение труда» открывало новые перспективы перед революционным движением России. Литературные произведения членов группы, отмечал В.И. Ленин, «стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма...». В марксистских трудах Плеханова получали разрешение проблемы, в которых запутывалась социально-экономическая мысль народничества. Уже в первой работе Плеханова «Социализм и политическая борьба», которую Ленин называл «символом веры» русского социализма, было показано, «как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классово-борьбы и политической борьбы».

Чтобы полнее оценить вклад Г.В. Плеханова в развитие русской социалистической мысли, надо учесть, что дискуссия о судьбе русской крестьянской общины, ведшаяся в прогрессивной печати в связи со стремлением экономистов-народников доказать реальность некапиталистического пути развития России, ко времени образования группы «Освобождение труда» далеко еще не окончилась.

Для Плеханова проблема русской общины, как мы отмечали выше, была бесповоротно решена весной 1881 г. Чтобы прийти к выводу об обречённости крестьянской общины в России, необходимо было помимо хорошего знания экономического состояния деревни и «ясного сознания» того, что теория и практика революционной деятельности в России находятся в резком противоречии друг с другом, глубоко овладеть методом исследования Маркса и Энгельса. Заслуга группы «Освобождение труда» заключалась в том, что дело «далекого будущего» она превращала в современное дело русских социал-демократов. Плеханов не видел в 80-х гг. никакой возможности для России избежать капита-

листической фазы развития, но зато он хорошо представлял, как сократить продолжительность этой фазы. То, что на Западе заняло десятилетия, должно было быть ускорено сознательными усилиями русских социал-демократов. Важнейшим средством развития, сплочения и организации пролетариата в России должна была стать политическая борьба, понимаемая в самом широком смысле слова. Она включала пропаганду, агитацию и борьбу за власть, но не группы людей, как бы мала или велика она ни была, а класса, с развитием которого связывался экономический и социальный прогресс общества. Там, где экономисты «школы Маркса» не видели никакой революционной деятельности, а народовольцы сводили ее главным образом к открытой и непосредственной борьбе с правительством, Плеханов формулировал программу революционной социал-демократии.

Заключение

Сегодня нередко приходится читать буквальное повторение мыслей Плеханова 73-летней давности. Так, отмечая, что «опыт социальных преобразований в XX в. показывает высокую эффективность именно реформ, а не кровавых революций», народный депутат СССР С.С. Алексеев говорил: «Может быть, и мы сейчас совсем не думали бы о том, как обеспечить страну необходимыми товарами, если бы с самого начала революции сумели найти общий язык с другими социальными силами, заинтересованными в коренных преобразованиях. И не в этом ли были по-настоящему коренные интересы рабочего класса». Российских рабочих Плеханов убеждал в этом в 1917 году.

Переосмысления требует идейное наследие Плеханова. С него начинается наш российский марксизм, его влияние испытали на себе как правое, так и левое крыло российской социал-демократии. В жизни Плеханова больше печалила не критика в его адрес, какой бы жесткой она ни была, а непонимание.

Литература

1. Бережанский А.С. Г.В. Плеханов от народничества к марксизму/А.С. Бережанский. - Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1990. - 207 с.
2. Комисарова Л.И. У истоков марксистской исторической мысли в России/Л.И. Комисарова, Е.Р. Ольховский. - М.: Мысль, 1986. - 244 с.
3. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории/Г.В. Плеханов. - М.: Политиздат, 1941. - 284 с.
4. Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении./Г.В. Плеханов. - М.: Политиздат, 1989. - 365 с.
5. Фатеев П.С. Первые российские марксисты/П.С. Фатеев. - М.: Политиздат, 1983. - 175 с.